

К вопросу восстановления единства Патриаршей и Зарубежной частей Русской Православной Церкви. Психология "неосергианства" ее истоки и последствия.

Протоиерей ВЛАДИСЛАВ Свешников

В последние годы в печати, преимущественно церковной, появился ряд публикаций, объединенных не столько общим подходом к некоторым личностям и событиям русской церковной истории 20 - 30-х годов, не столько общей тенденцией, сколько общим типом сознания и даже, пожалуй, единством психологического устройства. Сам по себе этот психологический настрой не представляет особой новости. Сущность его в том, чтобы найти оправдание любому греховному отступлению во взаимоотношениях Церкви и государства. Кровь Иоанна Крестителя, святителя Филиппа, Митрополита Московского, и святых Новомучеников Российских вопиет к носителям этой психологии

Она не раз проявлялась в византийской истории, она же в так называемой "синодальный" период Русской Церкви оправдывала очевидные издержки синодального управления. Но проходило время, и история, обычно через авторитетных церковных деятелей, давала верные оценки различным отступлениям. В этом отношении "неосергианская" психология отличается от этого общего типа психологического устройства лишь одним: ее носители оправдывают отступления не только во время самого их совершения, когда бывает трудно устоять и непросто разобраться, но и впоследствии... Называя эту психологию неосергианской, можно заранее согласиться со всеми возможными упреками в неуклюжести, неточности и некорректности самого названия "сергианство", оно как бы "пришпиливает" довольно обширное явление к одной нравственно-исторически уникальной ситуации, сложившейся в Русской Церкви в XX веке, да и ее сводит лишь к ряду имен и позиций. Но другого названия не придумано; потому придется пользоваться этим, несовершенным. Под термином "сергианство" понимают особый тип отношений церковного руководства с властью, принципиально безбожной и активно антихристианской (советской). В этом типе отношений, который одни характеризуют как "лояльность", другие - как "неоправданный компромисс", а третьи - как "прямое предательство", и следует прежде всего разобраться нашему времени; не с той целью, чтобы вынести окончательный, не подлежащий обжалованию приговор, но для того, чтобы увидеть самую суть явления, его нравственно-духовные истоки и последствия вне зависимости от конкретных людей, в которых оно воплощалось. Но и все это - не с академической целью, а чтобы предостеречь наших современников и детей. Если есть пределы допустимости - хорошо обозначить и их, а уж что за пределами - то падение недопустимое. Попросту говоря, надо точно оценить отрицательный опыт прошлого, чтобы не повторять его в будущем.

Говоря о митрополите Сергии (бывшем Патриархом совсем недолгое время), все исследователи останавливаются на подписанном им документе, известном под названием "Декларация 1927 года", и в этой связи - на всей церковной политике, раскрывшейся в отношениях с властями. Одно без другого немыслимо. С одной стороны, "Декларация" провозглашала сам принцип этих отношения, развивавшихся далее именно по этому сценарию; с другой стороны, в долгой серии действий, воплощавших этот сценарий, она

гоняла одно из первых мест, по крайней мере хронологически. По устоявшемуся церковному суждению, авторство ее не принадлежит безусловно митрополиту Сергию, скорее советским властям, но им безусловно подписана, что и подтверждалось затем всей последующей церковной политикой. Главный смысл ее - хотя и сдержанное (в основном), но безусловное принятие советской власти как своей, что и выразилось знаменитыми словами, долго затем ходившими по свету: "Ваши радости - наши радости". Комментарий же к этим словам, в зависимости от позиции комментатора, был по тону в основном либо презрительно-уничижительный, либо лукаво-оправдательный. "Декларация 1927 года" стала одним из первых документов, от которого в истории Русской Православной Церкви начался новый отсчет времени. Она привела к глубокому расколу в церковной жизни. Первым ее следствием стала легализация тех архиереев и приходов, которые "присоединились" к митрополиту Сергию, то есть подчинились ему, как исполняющему обязанности главы Русской Православной Церкви, в плане церковного управления, а затем и по духу и букве самой "Декларации". Значительная часть архиереев и приходов не согласилась с возглавлением митрополита Сергия на условиях "Декларации"; другие, оставаясь формально в юрисдикции Церкви, возглавляемой Местоблюстителем, - не с самой "Декларацией". Так, митрополит Ярославский Агафангел, к суждениям которого всегда прислушивалась Церковь, писал: "Мы принципиально никакого раскола не учиняем, принципиально власть Заместителя (Местоблюстителя Патриаршего престола) не отрицаем... Но никаких его распоряжений, противных нам и народной совести, не исполняем и исполнять не будем." Хотя формально такая позиция не означала раскола, несомненно, что она указывала на скрытое разделение.

"Декларация" не спасла согласившихся с направлением Местоблюстителя Сергия Любоед не может остановиться в своем людоедстве. Скушав сначала всех противников митрополита Сергия, советская власть, никогда не насыщаемая, принялась и за наиболее живых и нравственно чистых его сторонников. К 1938 году из десятков тысяч храмов на территории России открытыми остались чуть больше ста на свободе находились всего четверо архиереев... Таким образом, цели своей - выжить любым путем - сергианство не достигло; нельзя же, глядя на эти цифры, не понимать, что это никакое не выживание. Но главное даже не в этом. Согласиться с духом "Декларации" могли преимущественно наиболее незрелые, духовно нестойкие. Они-то и определили ту "новую" церковную культуру, к которой стали приобщаться (в основном - во время войны) новые члены Церкви. На захватываемых немецкими войсками территориях открывались сотни храмов, куда толпами повалил народ И советская власть для своей же выгоды вынуждена была открывать ранее закрытые храмы, возвращая из ссылки церковнослужителей. Храмы наполнились женщинами, ищущими утешения и в массе своей безразличными к главному в христианском вероучении. Их более всего интересовали требы - молебны за живых, панихиды за усопших. И едва ли кто осмелится бросить в них за это камень. Но в церковной жизни сместились центры и ориентиры; во многих отношениях она стала другой по сравнению с той, что была до 1925 года. Социальный заказ исполнялся, и требоисполнительство надолго стало знаменем Церкви, а место подлинного Священного Предания в сознании церковных людей заняли местные предания мелкозаконнического характера. Едва ли не самым тяжелым последствием новой церковной политики стало чрезвычайное искажение церковного сознания. И здесь дело даже не в преданных суду дикой и безумной "гласности" фактах сотрудничества некоторых церковных деятелей с КГБ. Можно полагать, что факты эти преувеличены. Еще более преувеличенными они

оказались в обыденном сознании постсоветского человека, который - еще вчера только выйдя из мягких пеленок октябрятства, пионерии, комсомола и даже вовсе не выйдя из всего строя дешевого, советского, пустого материализма - обдавал ушатом помоев всех церковнослужителей, уверяя сначала себя, а потом и всех кругом, что каждый батюшка носит под рясой погоны. И слава Богу! Есть все основания полагать, что из простых священников запятнали себя сотрудничеством с КГБ очень немногие. Среди священников существовал известный способ "отмазки" на случай вербовки (а пытались вербовать, наверное, почти всех). Способ очень простой: он тебя начинает вербовать, а ты ему: "Извините, у вас своя дисциплина, а у нас своя; вы настаиваете, я должен доложить своему настоятелю, духовнику и архиерею. Только если они благословят, разговор может быть продолжен". Действовало безотказно. Почему-то вербовавшие так боялись открытости, что разговор сразу и навсегда прекращался. Таким образом, священников, согласившихся на сотрудничество, было очень немного. Эти немногие, принадлежащие, как и весь народ, к "новой исторической общности советских людей", не смогли вполне вырваться из бездны советской порочности. Факты сотрудничества священнослужителей с КГБ вопиющи даже для грешного коммунистического мира. "А мы-то думали и надеялись, что хоть там..." - смутно ворочается что-то в голове советского гражданина. И пусть даже не было самого сотрудничества, а было всего лишь согласие на сотрудничество, зафиксированное в известных документах, - бесам, руководившим КГБ, направленным против Церкви, больше ничего и не надо. Они смеялись, и особенно восторженным смехом, когда кто-либо из таких соблазненных наивно думал: "Я ведь только бумажку подписал, а ничего конкретного для них не делаю. Тем более что это "для блага Церкви". И мало что другое способно так дезориентировать людей, как эта формула - "для блага Церкви". Увы, искажение нормального церковного сознания не заключалось только в актах согласия на сотрудничество с КГБ, все же единичных. Ложь, обширная ложь вошла в жизнь церковного общества после легализации Церкви. Лукавство прежде всего заключалось в том, что научились говорить одно, а за этим стояли совершенно другие смыслы. Думаем "лояльность", а пишем: "Мы всенародно выражаем благодарность советскому правительству за внимание к духовным нуждам православного населения". И это в те самые дни, когда советское правительство толпами отправляло в свои убийственные лагеря лучших представителей православного населения, грабило церковное имущество, закрывало храмы, издевалось над христианством в послушной, как всегда, советской печати. И если в словах авторов первых посланий можно уловить боль и горечь, то впоследствии ложь уже перестала ощущаться как ложь...Всеохватывающая ложь пронизала всю советскую жизнь, включая и жизнь Церкви. Что может быть постыдней и ужасней, чем отказ от своих святых? Между тем один из известных церковных деятелей незадолго до перестройки, до прославления Святейшего Патриарха Тихона, осмелился найти вполне советские слова об ошибках нашего великого святого. Он же в одном из интервью прямо заявил о том, что детей не надо воспитывать в христианском духе, чтобы, став взрослыми, они самостоятельно сделали "свободный" выбор; будто бы в условиях советской действительности был возможен свободный выбор, а не активно-идеологическое, направленно-атеистическое воспитание. А вот печально знаменитый финал выступления предшественника вышеупомянутого деятеля на одной из церковных конференций "радетелей за мир". Он говорил в тоне высокого восторга о некоем лице, сердце которого вобрало будто бы в себя всю боль угнетенных и обиженных. "Зорки его очи, мудро его сердце, он не даст ввергнуть в новую пучину человечество, им недавно спасенное, - говорил он и заключил: - Слава великому Сталину!" Дальше, кажется,

некуда... Оказалось, и дальше есть куда. Если сначала лгали вынужденно и с горечью, потом - с вдохновением, затем - привычно и заурядно, то новая психология ищет возможностей богословских и исторических интерпретаций, не только оправдывающих "сергианские" пути, но порою и прямо их прославляющих. Главный аргумент: "митрополит Сергей спас Церковь". Но в этом аргументе, даже если бы он был справедлив, скрывается грубое материалистическое недоверие к действию Божественного Промысла, действию особенно мощному, когда Церковь стремится к чистоте и бескомпромиссности, что многократно проверено в истории. В этом - первая особенность "неосергианской"

Спасает только Бог, часто посредством Своих орудий - человек, но которых Он избирает не по их политической изворотливости и умению искать выход из разных трудных положений, а по их святости и чистоте. И это тоже хорошо известно из истории. Да и история показала, что ничего митрополит Сергей не спас. Даже такие апологеты деятельности митрополита Сергия, как например, известный богослов отец Иоанн Мейендорф, признают, что ни к каким положительным результатам эта политика не привела Церковь продолжала планомерно

Когда кто-нибудь приводит в доказательство необходимости лояльности по отношению к власти слова апостола Павла "нет власти не от Бога", то обычно "забывает" следующие за этими апостольские слова: "начальник есть Божий слуга тебе на добро..."(Рим. 13,4) Начав с убийства царя, а с ним и уничтожения российской государственности, советская власть пришла как аморальная, разбойничья и разрушительная, и она постаралась из всего народа сделать аморальных разрушителей. Она требовала не лояльности, что допустимо, но внутреннего согласия со своей разбойничьей сущностью, что абсолютно невозможно. Эта власть хотела замарать всех, и это у нее получалось.

И не понимают этого или не хотят понять лишь современные молодые люди, которые не знали, знать не хотят и закрывают глаза на советскую действительность, которая была пронизана злом и ложью во всей полноте - и в философии, и в нравственности, и в политике. Таким образом, второй особенностью неосергианской психологии является глубокое нежелание видеть и знать историческую правду. Люди этой психологии хотят укрыться в свою собственную "экологическую" нишу, оправдывая выживание Церкви - как организации - любой ценой: ценой лжи, ценой предательства, в частности предательства святых, ценой безразличия к собственному вероучению и нравоучению. Это уже совершенно новое богословие - о возможности произвольного и сознательного греха, любого греха. Но тогда совершается утрата собственно христианства, как нравственной религии. И это есть третья особенность "неосергианской" психологии. Чистота и святость Церкви, глава которой Христос, призывает и всех ее членов к нелицемерной и глубокой чистоте и святости во всех отношениях. В этом этическая функция Церкви. Иначе она становится экзотической организацией. Но зачем нужна Церковь, как организация? Чтобы слушать церковное пение, служить панихиды и молебны, иногда, конечно, исповедоваться и причащаться? Но когда это совершается ценой греха, тогда вся глубокая и таинственная церковная жизнь приобретает исключительно психологический характер. И такое "психологическое", потребительское существование человека в церковной ограде, ставшее почти нормой, явилось не прямым, но очевидным следствием "неосергианства". Жизнь - ради ощущений и высоких переживаний, в уютной, утешительной атмосфере Церкви, позволяющей хоть немного забыть о невзгодах и страданиях, поражающих

окружающий мир. Поиск в Церкви душевного комфорта - это четвертая особенность "неосергианской психологии. Но постоянное ощущение неудобства длящегося греха беспокоит тонко чувствующую совесть. Не исцеляясь истинным покаянием, оно имеет только один выход - оправдывать если не грех, то мотив греха, придав соглашательству высокожертвенный вид, что уже некоторыми богословами и делается. Это пятая особенность современной "неосергианской" психологии . Оправдание греха или его мотивов завершает строительство "нового нравственного предания". Оно помогло добиться исполнения одной из статей безнравственной Конституции, по которой Церковь должна стать не более чем местом "исполнения личных религиозных потребностей". Во многих приходах, увы, так и есть. Но и это еще не все. Время от времени в церковной жизни происходят движения, которые дают возможность особенно остро увидеть и иные вредные последствия "неосергианской" психологии. Это движения реформаторского, сектантского и раскольнического характера. При некотором разнообразии конкретного исторического материала, раскрывающегося в этих движениях, они имеют одно начало. Важнейшие нравственно-психологические и духовно-исторические мотивы заключаются в глубоком недовольстве тем конкретным состоянием жизни Церкви, которое представляется несовершенным и вызывает к изменениям и реформам. И дело идет чаще всего не о пустяках и опирается не на надуманные, а на вполне конкретные факты. Будучи яркими и серьезными обличителями реальных нестроений, основатели расколов нередко "тянут" за собой наиболее живую часть церковного общества. Порою в своей практике они добиваются некоторых непустых результатов, но почти никогда и никто из них не понимает - какой ценой. Цена же всегда одна и та же - разрушение единства Церкви. И в этом всегда - пошлое психологическое бунтарство, смута и всяческое безобразие. В этом всегда - дешевое нетворческое отличительство, болезненное соревновательство и неумная доверчивость по отношению к своей правде. В этом - несомненная гибельность для "начальников" расколов, но и для их последователей тоже - тем вернее, чем они искреннее и чем ярче опыт построения "новой" церковной жизни вместо "старой отсталой" с ее недостатками. Все это, несомненно, проявилось в тягостной ситуации, связанной с реальностями нового обновленчества. Наиболее животрепещущим образом это явление рассматривалось на прошедшей год назад в Москве конференции "О единстве Церкви", довольно широко обсуждавшейся даже в нецерковной прессе. Там преимущественно шла речь о деятельности двух московских приходов, но эта сектантско-раскольническая практика обновленчества выплеснулась далеко за пределы Москвы. И, взглядываясь в депо духовным оком, нетрудно обнаружить, что это настолько закономерно, что, пожалуй, даже было бы крайне удивительно, если бы ничего такого не

Такое обновленчество замечательно тем, что, с одной стороны, в нем обнаруживается реакция на описанную психологию, а с другой стороны, и в этой психологии, и в этом обновленчестве обнаруживается много общего. Прежде всего, будучи квазицерковным явлением, и то и другое претендует на то, чтобы выражать опыт Церкви и как бы в границах Церкви осуществляться. Более того, такие движения и лица, принимающие в них участие, не совсем слепы - они видят свои отклонения от общей позиции Церкви, но, обладая болезненной нескромностью (мягко говоря), убеждают себя и других, что они-то, собственно, и есть Церковь, а все другое - так, некий суррогат... В современной жизни Русской Православной Церкви происходят вполне понятные нравственно-исторические процессы. Некоторая -слава Богу, не очень большая - часть священников и мирян переходит под крыло Русской Зарубежной Церкви, не ощущая подлинного духа

церковности. Другая часть - пока тоже небольшая, но, по-видимому, быстро расширяющаяся - надменно стремится к "первохристианской" духовной чистоте. И как бы ни различались, и как бы ни смотрели друг на друга со взаимным подозрением и те, кто всегда готов к недопустимым компромиссам, и те, кто брезгливо сторонится их по причинам поисков нравственно-политической или духовной "чистоты", - они сходятся в главном: в своем неуважении к Преданию, как бы не клялись они в верности ему, какие бы аскетические подвиги внутреннего и внешнего служения Преданию они ни совершали. И надо молиться о том, чтобы в полноте нашей Церкви созрела решимость предать трезвому и чистому внутреннему суду все компромиссные ошибки и затруднения недавнего прошлого и длящегося настоящего. Огромные результаты могли бы явиться в жизни не только церковной, но и всенародной, если бы, скажем, Поместный Собор Русской Церкви нашел силы отнестись строго и недвусмысленно ко всем отступлениям от нравственного предания со всепрощающей и снисходительной любовью ко всем лицам нашей церковной истории - от Патриарха Сергия. Если бы открыто, честно и бескомпромиссно были показаны все язвы греха нашего недавнего прошлого, - отчасти еще не изжитые, - как прекрасно восстали бы церковные люди в таком покаянии! Впрочем, покаянно-общественный процесс с некоторых пор не перестает идти в церковном обществе и порою находит формальное выражение, - но еще больше раскрывается в конкретном и живом творческом делании, плоды которого не видны лишь не желающим видеть ничего доброго вообще, либо ослепленным своими собственными достижениями раскольникам. В истории Русской Православной Церкви XX века - включая и последнюю его четверть - очень много поучительного. Конечно, пока лишь в очень тонком слое, но, несомненно, можно видеть и замечательные результаты пробуждения религиозного и национального самосознания, и стремление к высочайшему аскетизму, и неизвестные прежде достижения общинной жизни, и жажду подлинного духовного просвещения и тому подобное. Здоровую основу нынешней церковной действительности представляет множество людей чистых, живых, смиренных, глубоких, многознающих, выросших порой в безбожных семьях, а сегодня с такой великой нежностью и силой возлюбивших святую Православную Церковь во всей полноте ее существования и во всей глубине и красоте ее неумирающего Предания.

Все это свидетельствует о том, что Русская Православная Церковь выжила и выстояла, правда, не благодаря, а вопреки изображенной здесь психологии. Мы, жившие в этой стране, опытно знаем, что Церковь устояла любовью. И, принимая правоту многих обвинений и требований "чистой" и благополучной Зарубежной Церкви, мы никогда не могли и не можем согласиться с ее оценкой нашей церковной жизни в целом - и несправедливой, и имеющей столь высокомерно-фарисейский характер. Но, впрочем, мы отчасти и благодарны Зарубежной Церкви. Благодарны за то, что она хоть и без боли и любви, но строго и верно указала на наши грехи. Спаси, Господи! Но хочется сказать деятелям этой Церкви: "Врачу, исцелися сам". Особенно теперь, когда они стали открывать в России свои приходы, совершенно не чувствуя безнравственности своих действий. Слава Богу! И в радости, и в горе мы остаемся со своей Матерью-Церковью. И молимся о том, чтобы были изжиты все прежние грехи. Молимся мы и о том, чтобы наши братья за рубежом сбросили с себя груз фарисейского благополучия. Молимся о подлинном высоком возрождении Русской Православной Церкви!

*Протоиерей ВЛАДИСЛАВ Свешников, Председатель Духовного Совета Союза
Православных Граждан, "Православная беседа" N 2, 1996*